

DOI: 10.31857/S013038640013208-6

© 2021 г. С.Н. ГАВРИЛОВ

ПРИЧИНЫ РОСПУСКА ВОЕННО-МОРСКОГО СОВЕТА: РАЗВАЛ АНГЛИЙСКОГО ФЛОТА ИЛИ ВОЙНА ГРУППИРОВОК ПРИ ДВОРЕ ЯКОВА I?

Гаврилов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия).

E-mail: sngavrilov@sfedu.ru

Researcher ID: M-1742-2016

Аннотация. История английского военного флота первых Стюартов значительно хуже изучена, чем история военно-морских сил тюдоровского периода, сопряженная с началом превращения Англии в великую морскую державу.

В историографии закрепилось мнение, согласно которому за время правления Якова I некогда мощный военно-морской флот был доведен до катастрофического состояния. В значительной мере это мнение основывается на очень узком круге источников, в первую очередь на отчете Комиссии по расследованию злоупотреблений на флоте 1618 г., описывающем многочисленные факты коррупции, а также констатирующем развал военного флота, несмотря на очень большие деньги, выделявшиеся на его содержание. Итогом деятельности Комиссии стал роспуск Военно-морского совета, отвечавшего с 1546 г. за поддержание флота, и замена его Военно-морской комиссией, которая состояла из бывших проверяющих.

Данное исследование также построено на анализе отчета Комиссии. Особое внимание уделяется поведению главы Военно-морского совета Роберта Манселла, продавшего свою должность накануне проверки. Анализируется позиция нового лорда-адмирала герцога Бэкингема, назначение которого было встречено с неприязнью офицерами Совета. Результаты исследования дают возможность поставить под сомнение традиционную точку зрения о развале флота и предложить новый взгляд на то, что именно явилось главной причиной роспуска Военно-морского совета. По мнению автора, прежде всего он был обусловлен борьбой придворных группировок и изменением политической конъюнктуры при королевском дворе.

Ключевые слова: Великобритания, морской флот, Военно-морской совет, Роберт Манселл, королевский двор, Яков I Стюарт.

S.N. Gavrilov

Reasons for the Dissolution of the Navy Board: the Collapse of the English Navy or the Struggle of Factions at the Court of James I?

Sergey Gavrilov, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).

E-mail: sngavrilov@sfedu.ru

Researcher ID: M-1742-2016

Abstract. The history of the English Navy of the early Stuart era is far less studied than the history of the naval forces of the Tudor period, usually associated with the beginning of the transformation of England into a great maritime power. In historical science, it is generally accepted that during the reign of James I the once-powerful Navy was brought to a catastrophic state. This view is largely based on a very

narrow set of sources, primarily, on the Report of The Jacobean Commissions of Enquiry of 1618, which lists numerous instances of corruption, as well as stating the collapse of the Navy, despite the very large sums of money allocated for its maintenance. The work of the Commission resulted in the dissolution of the Navy Board, responsible for the maintenance of the fleet since 1546, and its replacement by a Naval Commission consisting of former commissioners. This study is based on the analysis of the Commission's Report. Special attention is also paid to the behaviour of the head of the Navy Board, Sir Robert Mansell, who had sold his post on the eve of the audit. The results of the study make it possible to question both the traditional account of the collapse of the fleet and to doubt the reason for the dissolution of the Navy Board associated with the alleged collapse. Among the major reasons for the dissolution of the Board, the author highlights the factional struggle and the change in the political situation at the Royal court.

Keywords: English Navy, Navy Board, Robert Mansell, factions, James I Stuart.

В истории военно-морских сил Англии события 1618 г. сыграли важнейшую роль. Именно в этом году был распущен Военно-морской совет (Совет морских дел), орган, учрежденный Генрихом VIII в 1546 г. и с тех пор управлявший флотом и обеспечивавший его функционирование в качестве государственного института. Его функции были переданы Военно-морской комиссии.

Поводом для столь радикального шага стал вердикт созданной летом того же года и проработавшей несколько месяцев Комиссии по расследованию злоупотреблений на флоте. В ее отчете работа флотской администрации признавалась неудовлетворительной, констатировался развал флота, несмотря на солидный уровень его финансирования¹. Столь однозначные выводы не могли не вызвать возмущение офицеров Совета, многие из которых держали патенты на занятия должностей пожизненно. Но их попытка выразить свое несогласие была пресечена самим Яковом I, запретившим офицерам вмешиваться в дела флота. Не избежал неприятностей и престарелый лорд-адмирал Англии Чарльз Говард, граф Ноттингем, занимавший этот пост с 1585 г. Вскоре ему пришлось уйти в почетную отставку и передать свою должность молодому фавориту короля Джорджу Вильерсу, маркизу Бэкингеми.

Упомянутый отчет не называет беспристрастным. Временами возникает ощущение, что перед нами обвинительный приговор членам военно-морской администрации; деятельность главных офицеров Совета и их подчиненных представлена в самом неблагоприятном свете. В каждой части отчета вскрываются те или иные злоупотребления. При этом на 50 страницах документа не упомянуто ни одного имени, как будто составители пытались заранее избежать обвинений в преднамеренной атаке против конкретных лиц. Но в их упоминании и не было необходимости, все прекрасно знали, на ком лежит вина.

В центре критики – бывший казначей Совета и его фактический глава сэра Роберт Манселл. Вряд ли у современников возникали сомнения, что именно он являлся главным виновником безобразий, творившихся во флотской сфере. В результате его махинаций коррупционная сеть опутала флот сверху донизу, от самого казначея и до последнего снабженца в доках.

«Мы обнаружили главные и внутренние причины всех беспорядков в безмерном увеличении служб и скудости оплаты. Главные офицеры передают полномочия и дела нижестоящим и своим клеркам, и некоторые из них, уполномоченные получать снабжение, имеют из него долю для себя от купцов-поставщиков. И этим людям поступают от главных офицеров устные приказы, в чем они не сознаются, когда это требуется. И что наиболее неудобное, так это получение поручений на выдачу денег и складских припасов Его Величества людьми, которые должны быть очень заинтересованы в правильности его расходов. Дела велись так и до сих пор ведутся таким образом, что нет

¹ The Jacobean Commissions of Enquiry 1608 and 1618 / Ed. A.P. McGowan. London, 1971. P. 265. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

ни должных записей того, что поступает, ни должного приказа, выдаваемого на расход, отсутствует и какой-либо особый учет» (с. 273–274).

Описываемая история довольно интересна. Расформирование Совета нельзя рассматривать как рядовое событие, ведь в течение 60 с лишним лет этот орган поддерживал функционирование всей военно-морской системы. Его создание в 1546 г. стало революционным шагом, который знаменовал превращение английского флота в постоянно действующий государственный институт.

Удивительно, но в исторической науке этот сюжет так и не стал объектом пристального внимания. По традиции, заложенной современниками, время правления Якова I Стюарта в истории военно-морских сил воспринимается исследователями как период упадка. В конце XIX в. М. Оппенгейм, первый историк, отказавшийся от «героического» подхода к изучению морского прошлого своей страны, даже еще не приступив к изложению фактического материала по истории соответствующего периода, делает вывод: «24 марта 1603 г. орудие, выкованное Генрихом VIII и сбереженное Елизаветой, попало в слабые ручки Якова Стюарта. Елизавета оставила Англию владычицей морей; королевские военно-морские силы, завещанные королевой ее наследнику, были лучшим военным флотом... Яков же, унаследовавший флот, способный идти куда угодно и выполнить все что угодно, позволил ему разрушаться, тратя на флот больше денег во время мира, чем Елизавета делала это во время войны; он подбирал наименее способных людей для управления им... Показателем результатов его слабого и бесполезного правления стало постыдное фиаско 1625 г. и падение престижа Англии»². Ему вторит и современный исследователь Р. Кенни, по словам которого с восшествием на престол Якова «любимое детище Тюдоров» оказалось в небрежении. Для короля-миротворца военно-морские силы являлись обузой. Это привело к тому, что «флот превратился в ожиревший, безжизненный, вялый организм, обворовывавшийся теми, кто на нем служил»³.

Наибольшее внимание деятельности Комиссий уделил А. Макгован. Он посвятил статью-введение к современному изданию их отчетов «Якобитские комиссии по расследованию 1608 и 1618 гг.». Но даже Макгован склонен следовать выводам комиссионеров и историков XIX–XX вв. Он приходит к выводу, что «назначение сэра Роберта Манселла казначеем Совета морских дел означало практически катастрофу для военно-морского флота» (с. xiv).

Отчасти такая позиция исследователей объясняется, во-первых, восприятием состояния и роли военно-морского флота на фоне славной морской истории эпохи Тюдоров и, во-вторых, почти полным отсутствием альтернативных источников по состоянию флота. Фактически единственным источником, помимо самих отчетов Комиссий по расследованию 1608 и 1618 гг., являются записи Сэмюэля Липса⁴, секретаря Комиссии Адмиралтейства второй половины XVII в., однако вряд ли они способны дополнить наши знания о происшедшем, ибо записи в большей своей части построены на пересказе упомянутых отчетов. В то же время отсутствуют источники, отражающие позицию критикуемых в отчете должностных лиц.

Таким образом, сохраняется необходимость более детального анализа событий тех дней и действительного состояния королевского флота. Это позволит нам предложить принципиально иной подход к объяснению причин расформирования Военно-морского совета и замены его Военно-морской комиссией.

Итак, главным виновником плачевного состояния флота представлен казначей последнего, хотя и не названный по имени. Его поведение накануне проверки помогает пролить некоторый свет на происходящее.

² *Oppenheim M. A History of the Administration of the Royal Navy and of Merchant Shipping in Relation to the Navy.* London – New York, 1896. P. 184–185.

³ *Kenny R.W. Elizabeth's Admiral: the Political career of Charles Howard, earl of Nottingham, 1536–1624.* Baltimore, 1970. P. 293.

⁴ Pepys MSS. Magdalene College Cambridge.

Роберт Манселл был неординарной личностью. Родился он в 1573 г. в семье дворянина средней руки сэра Эдварда Манселла. По традиции единственной достойной карьерой четвертого ребенка отнюдь не богатых родителей представлялась военная служба. Впрочем, молодой человек и сам рад был сбежать подальше от размеренной сельской жизни в Мэргаме. С детства он отличался задиристостью и страстью к приключениям, качествами, особо ценными в условиях бурного XVI в., предоставлявшего широкие возможности для людей, готовых рисковать.

К 1596 г. относится первое свидетельство его участия в морской кампании. В Кадисской экспедиции под командованием лорда-адмирала графа Ноттингема способности и отвага молодого офицера были замечены⁵. За заслуги его возвели в рыцари. Учитывая, что в 1596 г. ему исполнилось уже 23 года и он занимал должность офицера, вероятно, что он уже приобрел полезный опыт морских плаваний. С этого момента его карьера стремительно пошла в гору. В 1599 г. он уже сам командовал эскадрой у побережья Ирландии, а в следующем году патрулировал проливы. В 1601 г. в руки Манселла попала богатая добыча — ему посчастливилось захватить шесть ганзейских торговых судов с грузом специй, принадлежавших португальцам⁶. Это был огромный успех, на смелого молодого человека обратила внимание сама королева, ценившая дерзость и отвагу «морских псов». Весной 1603 г., на момент смерти Елизаветы, Манселл занимал должность вице-адмирала Ла-Манша и Ирландского моря.

Без преувеличения можно сказать, что к моменту восшествия на престол в 1603 г. Якова Стюарта Манселл являлся одним из самых опытных морских офицеров. И хотя его вряд ли можно поставить в один ряд с Дрейком, Хоукинсом, Рэли и многими иными из числа елизаветинских «морских псов», назначение на должность казначея Военно-морского совета он заслужил честно, не раз показав в реальной боевой обстановке свои профессиональные качества.

В истории с роспуском Совета морских дел внезапная продажа Робертом Манселлом должности казначея выглядит очень странно. В апреле 1618 г. он вступает в переговоры по поводу ее продажи с сэром Уильямом Расселом, членом Московской компании⁷, и уже 18 мая они заключают соглашение⁸. Причем все это происходит всего лишь за две недели до первого упоминания о создании Комиссии по расследованию на заседании Тайного совета 4 июня⁹ и за месяц с небольшим до ее назначения 23 июня¹⁰.

Сама по себе продажа должности являлась распространенной практикой. Осознавая пагубность последней, власти пытались принимать меры по ее искоренению. В 1552 г. был даже издан «Акт против покупок и продажи должностей»¹¹, направленный на борьбу с торговлей постами именно в военно-морской сфере, однако он не принес желаемого результата. Средневековое представление о том, что должность являет собой нечто данное в держание и ею можно распоряжаться по своему усмотрению, изживалось с трудом.

Таким образом, удивление вызывает не сам факт продажи, а то, что Манселл продал должность, которая на протяжении 14 лет обеспечивала рост его состояния и предоставляла ему посредством тщательно выстроенной системы коррупционных связей огром-

⁵ *Laughton J.K.* Mansell, Sir Robert // *Dictionary of National Biography*. Vol. XXXVI. London, 1893. P. 88–89.

⁶ *Calendar of State Papers. Domestic series. Elizabeth, 1601–1603; with Addenda, 1547–1565* / Ed. M.A.E. Green. Vol. VI. London, 1870. P. 114.

⁷ *Progresses, Processions and Magnificent Festivities of James the First, His Royal Consort, Family and Court* / Ed. J. Nichols. Vol. III. London, 1828. P. 478.

⁸ *Kenny R.W.* Op. cit. P. 298–299.

⁹ *Acts of the Privy Council of England 1618–1619* / Ed. J.V. Lyle. Vol. 36. London, 1929. P. 157.

¹⁰ *Gardiner S.R.* *History of England from the accession of James I to the outbreak of the Civil War, 1603–1642*. Vol. III. London, 1883. P. 204.

¹¹ *The Admiralty Statutes*. London, 1875. P. 1–3.

ную власть в военно-морской сфере, по размерам бывшей еще со времен Тюдоров вторым департаментом после королевского хаузхолда¹². Сэр Роберт явно дорожил постом и в свои 45 лет уходить на покой не собирался. Следовательно, к принятию решения его могла подтолкнуть лишь абсолютная уверенность в том, что нахождение в этой должности сопряжено с грядущей опасностью, которую он не в состоянии будет преодолеть.

Недругов у Манселла было предостаточно. А будучи клиентом Чарльза Говарда, он являлся и удобной мишенью для всех тех, кто хотел ослабить влияние лорда-адмирала. Одним из самых могущественных недоброжелателей долгое время оставался лорд-хранитель тайной печати Генри Говард, граф Нортгемптон. Именно он совместно со своим агентом сэром Робертом Коттоном, известным библиофилом и членом парламента, стал в 1608 г. инициатором создания первой Комиссии по расследованию. Как предполагает А. Макгован, критикуя обвинявшихся в злоупотреблениях офицеров Военно-морского совета, Нортгемптон преследовал политические цели, а именно подрывал влияние своего кузена, лорда-адмирала Чарльза Говарда (с. XIV).

Весьма интересно то, что первый патент на учреждение Комиссии от 30 марта 1608 г. был выпущен на имя самого лорда-адмирала (с. XIV). Но тот, видимо, воспринял это как оскорбление и демонстративно отказался ее созывать. Спустя месяц был выпущен новый патент на имя Генри Говарда, и в этом документе среди комиссионеров лорд-адмирал числился под вторым номером (с. 2). Впрочем, ее участником он остался лишь на бумаге, его подписи нет ни на одном листе отчетов.

Не менее интересно и поведение Манселла во время первой Комиссии по расследованию. Его бездействие можно расценивать как уверенность либо в своей невиновности, либо в сильной поддержке не только лорда-адмирала, но и самого короля. Он открыто демонстрировал свое пренебрежение к проверке, продолжая творить то, что комиссионеры описывали как нарушения. Лучшее всего это видно на примере скандала, связанного с постройкой королевского флагмана «Принс Ройял». Привлеченные к проверке независимые кораблестроители вскрыли ужасающие факты многочисленных нарушений, среди которых использование на строительстве сырого и гнилого леса (с. 230–231). Нортгемптон, в течение нескольких месяцев безуспешно пытавшийся достичь своей цели, потребовал учредить отдельную комиссию по расследованию злоупотреблений, творившихся при строительстве флагмана.

В этой ситуации у короля, ранее старавшегося не замечать работу Комиссии, не осталось выбора. В мае 1609 г., через год с лишним после начала проверки, он был вынужден вмешаться. Дабы хоть в чем-то удовлетворить Нортгемптона поначалу он намеревался обвинить лишь старшего королевского кораблестроителя Пинеаса Питта. Вскоре стало понятно, что Питт являлся исполнителем. Следовательно, предъявляя обвинения ему, нужно будет обвинить и казначея Манселла. Учитывая это, не приходится удивляться и итогу более чем годовой деятельности первой Комиссии. И хотя ее подробный отчет в 250 страниц весьма впечатляет, главным виновникам были предъявлены выборочно лишь те обвинения, которые, как заранее предполагалось, они с легкостью опровергнут¹³. Отчет стал «холостым выстрелом» Нортгемптона. Король лишь попенял главным фигурантам расследования и выразил надежду, что в будущем они будут нести службу более прилежно. Все они сохранили посты и, что гораздо важнее, остались в фаворе у короля.

Нортгемптон не смирился. Итогом многочисленных петиций, адресованных королю, стало разрешение на проведение новой проверки. Впрочем, на этот раз Комиссия даже не собралась, ибо Роберт Манселл сыграл на опережение. Он заручился помощью некоего Джеймса Уайтлока, члена Палаты общин и непримиримого критика королевских прерогатив. Уайтлок заявил о незаконности действий Комиссии, поскольку они являются вторжением в дела имущества и личности подданных короля без законного на то основания (с. XVII).

¹² Peck L.L. Court Patronage and Corruption in Early Stuart England. Boston, 1990. P. 107.

¹³ The Autobiography of Phineas Pett / Ed. W.G. Perrin. London, 1917. P. 64–67.

И хотя в условиях опасности обострения конфронтации с Палатой общин Комиссию не создали, сам Яков, видимо, решил, что на этот раз его любимец в своем поведении перешел все допустимые границы. Проявление чрезмерной дерзости служащего закончилось для него заключением в тюрьму Маршалси, а его приятель Уайтлок оказался в тюрьме Флит. Впрочем, долго сидеть в застенках им не пришлось. Представ вскоре перед Тайным советом, они выказали должное смирение и отказались от прежних заявлений, а взамен получили королевское прощение и свободу.

Представляли ли оба описанных случая угрозу для сэра Роберта? Ответить однозначно нельзя. С одной стороны, противники в лице лорда-хранителя тайной печати Генри Говарда и довольно много сделавшего для укрепления позиций Якова I Роберта Брюса Коттона имели большую власть и влияние, с другой же — его защитниками были лорд-адмирал и сам король. Опасность того, что им могут пожертвовать, была минимальна, да и сам Манселл был человеком отчаянным, готовым сражаться за свою должность до последнего.

Вопрос стоит поставить иначе. Действительно ли то, что вскрыла Комиссия или могла вскрыть новая проверка, расценивалось в то время как преступления или хотя бы как серьезные нарушения, за которые неизбежно должна была последовать кара? В наши дни многие из действий офицеров Совета трактовались бы как преступления, но в условиях начала XVII в. корона и общество гораздо спокойнее воспринимали практику использования должности в личных интересах.

Считалось, что ради выполнения обязанностей служащий должен был при необходимости расходовать собственные средства. Например, в 1538 г. хранитель складов Эрита и Дептфорда Уильям Гонсон заявил, что корона задолжала ему 2142 фунта и 10 шиллингов¹⁴. Современник рассматриваемых событий и автор Военно-морских трактатов Уильям Монсон одним из важнейших качеств казначея флота называет способность «внести большие суммы денег для спокойствия Его Величества и удовлетворения подданных, которые иначе будут ворчать и требовать свое жалование»¹⁵. Обратная сторона подобного отношения — осознание права распоряжаться постом по своему усмотрению, в том числе получать личную прибыль, если ее получение не наносит убытков королю. Показательны слова присяги контроллера военно-морского флота, в которой оговаривалась необходимость выполнения «обязанностей, прямо способствующих наибольшей выгоде Его величества, а не собственной выгоде путем нанесения убытков его Величеству»¹⁶. За нанесенный короне ущерб во многих случаях служащий отправлялся в отставку с королевским прощением, дающим право претендовать на новую должность. Во времена Генриха VIII была введена даже специальная формулировка «grand pardon» или «grand release».

Новое восприятие службы приживалось медленно. Комиссия 1608 г. дает пример этому. Среди манускриптов Пипса есть любопытный документ «Истинная дисциплина в военно-морском флоте и обязанности его офицеров»¹⁷, составленный Робертом Коттоном от имени Комиссии. В нем описана идеальная модель поведения бюрократа, основанная на жестком разделении частного и общественного интереса. Так или иначе, итоговая позиция в деле трактовки подобных злоупотреблений зависела от политической конъюнктуры, т.е. от расклада сил при дворе. В 1608 г. этот расклад был не в пользу коммиссионеров.

Для достижения поставленной задачи нам также важно понять состояние военно-морских сил на момент проверки 1618 г., ведь современники и историки говорят именно о развале флота. Наличие же злоупотреблений вовсе не обязательно подразумевает развал. Для прояснения ситуации необходимо обратиться к отчету Комиссии.

¹⁴ *Davies C.S.L. The Administration of the Royal Navy under Henry VIII; the Origins of the Navy Board // English Historical Review. Vol. 80. 1965. P. 268–288.*

¹⁵ *The Naval Tracts of Sir William Monson in six books / Ed. M. Oppenheim. Vol. III. London, 1913. P. 416.*

¹⁶ *Pepys MSS. Magdalene College Cambridge. 2876. P. 653.*

¹⁷ *Ibid. P. 644–648.*

Документ делится на две части. Первая посвящена состоянию флота, вторая содержит итоги расследования дел и злоупотреблений флотской администрации, объясняет их причины и предлагает меры по их искоренению. Наибольший интерес, учитывая поставленную задачу, представляет первая, поскольку она показывает истинное состояние кораблей, анализ которого и позволяет делать вывод о масштабах развала флота и степени виновности в нем офицеров Совета. В данной части перечислены корабли именно так, как они поименованы в книгах казначея, а также указано техническое состояние каждого из них и расходы на их содержание. Интересно, что из примерно 50 страниц отчета первая часть занимает лишь чуть более 7. Впрочем, это не удивляет, ведь, как видно из названия Комиссии по расследованию злоупотреблений на флоте, основной целью являлся поиск нарушений.

Итак, согласно первому пункту отчета, носящему название «Количество кораблей, как они поименованы в книгах казначея, с их тоннажем и командами в гавани и в морях», на момент проверки годными для службы признавались 23 корабля общим тоннажем в 10 690 т (с. 258). Средний тоннаж кораблей составлял примерно 465 т, так что сравнивая их с кораблями периода правления Елизаветы Тюдор, средний тоннаж которых был менее 400 т¹⁸, можно отметить, что они внушительнее в своих размерах. Самым крупным являлся не так давно вошедший в строй флагман «Принс Ройял» (1200 т), тот самый корабль, со строительством которого был связан скандал при проверке 1608 г. К годным для службы также причислены и вспомогательные суда, среди которых указаны 2 парусно-гребных хоя (100 и 80 т), использовавшихся для транспортировки грузов, и лихтер (200 т), представлявший собой несамоходную баржу (с. 259).

К следующей группе «Поврежденных и негодных для службы» авторы относят 9 кораблей, 2 пинасы и кетч общим тоннажем в 4490 т. К ним примыкают и 4 галеры по 100 т каждая (с. 259). Расходы на их починку не предусматривались, составители документа рассматривали их как навсегда утраченные.

Ремонтным работам и расходам на введение в строй кораблей первой группы посвящен следующий пункт, содержащий суммы расходов на устранение дефектов и повреждений на указанных кораблях. Согласно подсчетам, наибольших расходов (5379 фунтов 11 шиллингов 3 пенса) требовали работы по реконструкции «Рейнбоу» (500 т) и «Энтилоуп» (350 т), стоявших в сухом доке Дентфорда. Что касается остальных кораблей, находившихся в гаванях, то на их восстановление, включая расходы на лодки, мачты, канаты, ярды и помпы, требовался 4541 фунт. Таким образом, для введения в строй кораблей первой группы необходимо было 9920 фунтов 11 шиллингов 3 пенса (с. 260). Указанная цифра не являлась окончательной, ведь корабли нуждались в новой оснастке. Видимо, не доверяя мастерам военного флота, комиссионеры привлекли к инспекции независимых специалистов из Тринити Хауз, корпорации, отвечавшей за организацию навигации в территориальных водах Англии и Уэльса и обслуживавшей навигационные средства. Объединенная комиссия мастеров подсчитала всё необходимое для переоснащения такелажем и парусами каждого корабля в отдельности. Общие расходы на такелаж, как указывалось в отчете, составят 3287 фунтов 11 шиллингов, еще 2 тыс. фунтов понадобится на оснащение кораблей парусами (с. 259–260).

Простое сложение дает окончательную сумму в 15 207 фунтов 11 шиллингов 3 пенса, требовавшуюся для введения в строй всех 23 кораблей королевского флота, причем около 40% из нее предполагалось потратить на восстановление двух кораблей. Указанная сумма вовсе не выглядит пугающей, она, учитывая значительную инфляцию, вполне сопоставима с бюджетом флота довоенного периода правления Елизаветы Тюдор¹⁹.

Могут ли итоги тщательной проверки, приведенные в первой части отчета, говорить о том, что королевский флот находился в плачевном состоянии? Именно в этом Комиссия

¹⁸ *Oppenheim M.* Op. cit. P. 120–125.

¹⁹ *Ibid.* P. 161.

пытается убедить тех, для кого предназначен отчет. Об этом свидетельствует и логика его структуры. Короткая «техническая» часть перетекает в более эмоциональную по стилю изложения и посвященную злоупотреблениям большую часть, превосходящую первую в семь раз. В сознании читателя, вполне естественно, в первую очередь отложатся факты, изложенные во второй части, и через их призму он будет воспринимать изложенное в начале документа. Причем все приведенные факты злоупотреблений были вполне достоверны, что усиливает воздействие как на короля и его окружение, так и на современного читателя.

Но стоит взглянуть на изложенные данные о состоянии флота объективно. Прежде всего обращает на себя внимание указанное количество годных к службе кораблей. Сравнительно размеры флота Якова I и флота Тюдоров, комиссионеры, а вслед за ними и историки приходили к выводу о катастрофическом состоянии военно-морских сил первого представителя Стюартов.

Тюдоровский военный флот представлял собой грозную силу. Его создателем по праву может считаться Генрих VIII. К концу его правления постоянно действующий флот, согласно подсчетам М. Оппенгейма и Т. Глазго, насчитывал 53 военных корабля²⁰. Функционирование обеспечивалось разветвленным аппаратом, превратившимся в 1546 г. в отдельное ведомство во главе с имевшим высокую степень независимости в принятии решений Советом морских дел. В отличие от средневекового, собиравшегося от случая к случаю по мере необходимости, созданный Генрихом VIII флот являлся постоянно действующим государственным институтом.

Это «любимое детище Генриха» ревностно оберегалось последующими представителями династии. Наследник Генриха молодой Эдуард VI буквально «болел» кораблями, за короткое время его правления военно-морские силы оставались, пожалуй, единственной сферой, расходы на которую не урезались, несмотря на нехватку денег в казне. Но с восшествием в 1553 г. на трон Марии флот начал стремительно сокращаться. Только за 1554–1555 гг. оказалось продано не менее 14 кораблей²¹. И хотя под конец ее правления была принята программа строительства новых кораблей, столь большим, как во времена Генриха VIII и Эдуарда VI, королевский флот уже не станет. На протяжении второй половины века, во времена правления Елизаветы, он будет достигать 40–45 кораблей. В 1600 г., незадолго до ее смерти, согласно квартальному отчету казначея флота, у короны имелось 42 корабля²².

Ключевым показателем действительно свидетельствовал о сокращении флота, что отрицательно воспринималось современниками. Их горечь легко понять, ведь это были «стены Англии», защитившие независимость страны в годы Армады. На глазах англичан в прошлое уходила целая эпоха. Теперь уже никто не слышал о военных подвигах на море, о «наказании» «надменных испанцев», сердца которых сжимались в страхе, лишь только мелькнул на горизонте паруса Хоукинса, Дрейка или Рэли. Все эти герои теперь остались жить лишь в памяти, а военные корабли простаивали в доках и гаванях. Ностальгия по славному прошлому в определенной степени влияла и на членов Комиссии при подготовке отчета.

В отличие от современников, мы не можем делать выводы о разложении флота Якова Стюарта как на основе сравнения количественных показателей с флотом Тюдоров, так и руководствуясь тем, что военно-морские силы не бороздили моря ради громких побед. Для понимания истинной картины гораздо важнее осознать, какую роль должны были выполнять королевские корабли сравниваемых эпох в осуществлении стратегических планов.

²⁰ *Glasgow T.* List of Ships in the Royal Navy from its Infancy to the defeat of the Spanish Armada // *Mariner's Mirror*. 1970. Vol. 56. P. 301–303; *Oppenheim M.* Op. cit. P. 49–51.

²¹ The National Archives. Exchequer. 351/2195. London.

²² Rawlinson MS. Bodleian Library. A. 206. Oxford.

Основатель английского флота Генрих VIII при любых условиях сохранял право на проявление инициативы на море и неукоснительно требовал от частных владельцев предоставить корабли в распоряжение короны в полном соответствии с традициями вассальной службы. Этому курсу, несмотря на затруднительные обстоятельства, старались следовать Эдуард VI и Мария в то недолгое время, что находились у власти. Но Елизавета I под напором нарастающих трудностей была уже не в состоянии следовать установленным правилам.

Проблемой быстрого роста дефицита казенных средств воспользовалась парламентская оппозиция, которая все чаще отказывала Елизавете в одобрении новых налогов на продолжение военных действий²³. Попытки Джона Хоукинса, в 1577 г. получившего патент на занятие должности казначея Совета морских дел²⁴, оптимизировать расходы внедрением контрактной системы финансирования флота²⁵ были сорваны начавшейся англо-испанской войной.

В этих условиях использование королевских кораблей в морских кампаниях становилось слишком дорогим удовольствием. Многие из них сдавались внаем либо играли роль пая короны в частных экспедициях. К 1561 г. относится первое упоминание участия королевы в организации такого предприятия²⁶. С тех пор эта практика стала повседневной. Наполовину частные, наполовину государственные полувоенные предприятия стали символом елизаветинской эпохи. Обратной стороной такой политики оказался переход инициативы на море в частные руки. Даже разработка стратегии войны подчас осуществлялась частными лицами. Мощные корабли королевского флота теперь все чаще играли роль вспомогательных. Можно не сомневаться, что роль королевского флота начала падать за несколько десятилетий до восшествия Якова I на престол.

Учитывая тенденции второй половины XVI в., размеры флота 1618 г. и его действительное состояние не выглядят столь пугающими, каковыми их рисовали комиссионеры. Королевский флот размером в 20–25 кораблей рассматривался специалистами как оптимальный еще в годы правления Елизаветы Тюдор²⁷. Такие силы, не будучи слишком обременительными для казны и поддерживаемые в состоянии боеготовности, были вполне способны решать стоявшие перед ними задачи как в мирное, так и в военное время. Именно такими мы обнаруживаем их на момент проверки Комиссии. Более того, смерть Елизаветы знаменовала выход из тяжелой для страны войны. Яков I же позиционировал себя на международной арене в качестве миротворца.

Вряд ли комиссионеры, среди которых были отнюдь не случайные для флота люди, не осознавали новых реалий. Неофициальным главой Комиссии являлся Джон Кок, один из наиболее работоспособных государственных служащих своего времени, человек, прекрасно разбирающийся в финансовых вопросах флота, с 1591 г. и до восшествия Якова на трон служивший помощником казначея Военно-морского совета. Да и названная самими комиссионерами сумма, необходимая для приведения флота в полную боеготовность, свидетельствовала о том, что, за исключением двух кораблей, остальные нуждались лишь в малом ремонте, вполне обычном после долгого простаивания деревянных судов. Так что истинное, по-видимому, довольно сносное состояние основной массы кораблей не должно было вызывать столь негативной реакции, поскольку размер флота и его состояние оказывались вполне достаточными для выполнения текущих задач мирного времени, в первую очередь — патрулирования проливов.

²³ Dietz F. English Public Finance. Vol. II. London, 1964. P. 94.

²⁴ The National Archives. Exchequer. 351/2214.

²⁵ Adams S. New Light on the "Reformation" of John Hawkins; the Ellesmere Naval Survey of January 1584 // English Historical Review. 1991. Vol. 105. P. 97–111.

²⁶ The National Archives. State Papers. 12/26/43.

²⁷ British Naval Documents 1204–1960 / Eds J.B. Hattendorf, R.J.B. Knight. Aldershot, 1993. P. 62–70.

Учитывая все вышеизложенное, можно предполагать, что Комиссия сочла необходимым использовать возможность, которую предоставляли многочисленные нарушения, чтобы нанести удар по военно-морской администрации с учетом благоприятного политического момента. В новых политических условиях с подачи комиссионеров то, что ранее воспринималось как само собой разумеющееся, легко могли истолковать как серьезные злоупотребления. В пользу этого говорит и внезапная продажа Робертом Манселлом должности, за которую он ранее готов был держаться всеми силами. Возможно, он почувствовал грозившую ему опасность, обусловленную изменением расстановки сил при дворе.

Власть Манселла и его «неприкасаемость», подобно власти и положению любого человека на любой ступени административной и политической иерархии начала XVII в., держалась на патронатных связях. Видимым проявлением отношений патрона и клиента часто являлись символы и ритуалы.

В этом отношении интересным выглядит подмеченное британской исследовательницей Л. Пек сравнение «символических» компонентов деятельности обеих Комиссий по расследованию²⁸. В ходе первой проверки флота король в 1609 г. посетил Вулич, где шли работы по постройке будущего флагмана «Принс Ройял». На тот момент сопровождаемое скандалами противостояние между комиссионерами и флотской администрацией длилось многие месяцы, и ему, казалось, не будет конца. Интересно, что в этой поездке Якова сопровождали не члены Комиссии, а лорд-адмирал Чарльз Говард, которому формально подчинялся Военно-морской совет, и принц Генри, союзник Говарда. Поездка являлась своеобразным ритуалом, ведь еще со времен Тюдоров стало традицией посещение верфей монархом, а вот выбор сопровождающих монарха лиц являлся открытой демонстрацией того, в чью пользу должно разрешиться надоевшее королю противостояние. И граф Нортгемптон, конечно, не мог не понять намека. В свою очередь, как говорилось ранее, для казначея флота это было подтверждением того, что опасаться нечего.

Аналогичной ситуация оставалась и спустя несколько лет. Вероятно, этим и объясняется столь дерзкое поведение Роберта Манселла, доведшее его до тюрьмы. Находясь в застенках Маршалси, он имел возможность осознать те границы дозволенного, за которые ему переходить не следует, ибо власть его и его патрона отнюдь не безгранична, и все, в конечном итоге, зависит от короля — единственного источника королевского фавора. В эпоху Ренессанса корона использовала придворный патронаж и практику щедрых вознаграждений для осуществления политического контроля²⁹. Отныне Манселл старался не лезть в политику, правил игры не нарушал и мог быть уверен, что в условиях сложившейся при дворе системы группировок, которая скреплялась клиентско-патронатной сетью, его деятельность на посту казначея Военно-морского совета не будет вызывать больших нареканий.

В начале 1610-х годов при королевском дворе действовали несколько «партий», группировавшихся вокруг лиц, приближенных к монарху и служащих своеобразными распределителями королевских милостей. Лидером одной из группировок в начале правления Якова был Роберт Сесил, граф Солсбери, государственный секретарь и лорд-казначей, человек имевший огромный политический опыт, накопленный еще в правление Елизаветы Тюдор. Вплоть до своей смерти в 1612 г. он доминировал при дворе. Мощной была и «партия» Говардов, которую условно можно назвать «испанской». Поначалу к числу ее лидеров относился лорд-хранитель Тайной печати Генри Говард, граф Нортгемптон, а затем его племянник лорд-казначей Томас Говард, граф Саффолк, объединявшие вокруг себя многочисленных представителей фамилии. После 1611 г. их важнейшим союзником стал королевский фаворит Роберт Карр, граф Сомерсет, женившийся на Фрэнсис Говард, дочери Томаса. Говардам

²⁸ Peck L.L. Op. cit. P. 160.

²⁹ Ibid. P. 15.

противостояла группировка, условно именуемая «французской». В нее входил герцог Леннокс и другие шотландцы при дворе короля, а также граф Карлайсл. К ним примыкали те, кто стоял на достаточно жестких антииспанских позициях, а именно архиепископ Кентерберийский Джордж Эббот, королева Анна, граф Пемброк, лорд-канцлер Элмере и государственный секретарь Ральф Уинвуд³⁰.

«Внутрипартийное» единство не стоит воспринимать как монолитное. Внутри каждой группировки были разногласия. Именно лорд-хранитель Тайной печати Генри Говард спровоцировал первую проверку флотской администрации, подчинявшейся его старшему кузену Чарльзу. Впрочем, после смерти Генри Говарда в 1614 г. лорд-адмирал не имел сильных противников, готовых бросить ему вызов. Хотя он и не стремился играть при дворе первую скрипку, его незаменимость была столь велика, что в начале XVII в., казалось, ни одна комиссия не могла считаться полной, если в ее состав не входил Ноттингем³¹. В свою очередь такое устойчивое положение патрона гарантировало безопасность Манселлу и всей его клиентской сети.

Визит на верви Дептфорда в 1619 г. для осмотра двух строившихся кораблей, состоявшийся после ухода Манселла, свидетельствовал о новой расстановке сил. На этот раз Якова сопровождали не представители администрации флота, а ставший наследником после кончины Генри принц Карл и новый лорд-адмирал герцог Бэкингам. Это означало для членов военно-морской администрации самые печальные последствия. Их всех отправили в отставку, хотя и на весьма почетных условиях, а сам Военно-морской совет заменили Военно-морской комиссией. Не менее знаковым в связи с происходящим был и выбор названий обоих кораблей. Первый стал именоваться «Бэкингам энтранс», второй же, как сообщает в своем письме современник событий Джон Чемберлейн, именно в честь хорошей работы комиссионеров и грядущих изменений в управлении флотом получил название «Реформейшн»³².

Мог ли в мае 1618 г. Манселл знать о готовившейся проверке? Сомнительно. Однако вряд ли он не понимал, что именно к ней и идет дело в условиях новой расстановки сил при дворе. В сентябре 1615 г. был удален от двора Сомерсет, главный союзник Говардов. Но гораздо большую опасность для группировки представлял новый фаворит короля Джордж Вильерс, чье влияние стремительно росло. Изначально он служил лишь орудием в руках представителей «французской» «партии», стремившихся удалить Карра. Его продвижением при дворе занимался архиепископ Эббот, а затем и примкнувшая к нему королева Анна, которая ненавидела Сомерсета³³. Постепенно Яков превратил его в фактически единственного получателя и распределителя королевских милостей.

Решающим в стремительной карьере Вильерса стал 1617 г. В январе король даровал ему титул графа Бэкингема, а в феврале он вошел в состав Тайного совета. Благоклонность монарха к молодому фавориту становится безграничной. Весьма показательное часто цитируемое биографами Якова Стюарта заявление, сделанное им в Тайном совете по возвращении из поездки в Шотландию, совершенной к компании с Вильерсом. «Я не Бог и не ангел, я лишь человек, подобно остальным. Я признаю, что, подобно обычным людям, я люблю тех, кто мне дорог, больше, чем остальных. Так что вы можете быть уверены, что я люблю графа Бэкингема больше, чем кого бы то ни было, даже больше, чем всех вас, здесь собравшихся. И будьте уверены, в том нет моей вины, ибо Иисус Христос поступал так же, а потому упрекать меня не за что: у Иисуса был Иоанн, а у меня — мой Джордж»³⁴.

³⁰ Ibid. P. 54.

³¹ *Loughton J.K.* Howard, Charles, Lord Howard of Effingham, earl of Nottingham // *Dictionary of National Biography*. Vol. XXVIII. London, 1891. P. 4.

³² *The Letters of John Chamberlain* / Ed. N.E. McClure. Vol. II. Philadelphia, 1939. P. 271.

³³ *Дюшель М.* Герцог Бекингем. М., 2007. С. 54.

³⁴ *Letters of King James VI and I* / Ed. G.P. Akkrigg. Berkeley, 1984. P. 225.

М. Дюшель считает, что фаворит не представлял непосредственной опасности для Говардов, его не отличали недоброежелательность и злопамятность³⁵. Например, когда была создана комиссия для проверки деятельности лорда-казначея Томаса Говарда и в июле 1618 г. тому пришлось подать в отставку, Бэкингом вступился за него перед королем. Возможно, он действительно не испытывал вражды к группировке, изначально настроенной по отношению к нему неприязненно. Однако если и предположить такое, нельзя не учитывать то, что за фаворитом с самого начала стояли непримиримые противники Говардов. В своем тайном послании Бэкингом писал Саффолку, что они «побуждают Его Величество проявить суровость, дабы явить миру пример, способный предотвратить повторение подобных дел. Его Величество выразил намерение выслушать Вас наедине, однако члены комиссии воспротивились, объявив о незаконности подобной процедуры»³⁶. Так или иначе, постепенное устранение Говардов осуществлялось либо под руководством Бэкингема, либо при его прямом или косвенном участии.

Как показали события, Манселл ушел вовремя, верно оценив грозящую опасность. После устранения Томаса Говарда последним из влиятельных представителей группировки при дворе останется 80-летний лорд-адмирал. Король питал к графу Ноттингему уважение, ведь некогда именно он вел переговоры с тогда еще шотландским королем Яковом VI о наследовании английского трона, да и при дворе Чарльз Говард старался избегать скандалов. И тем не менее он будет вынужден удалиться вслед за своими родственниками. Неутешительные итоги, к которым придет Комиссия по расследованию злоупотреблений во флоте, не оставят иного выбора – в 1619 г. должность лорда-адмирала достанется Бэкингема. Иного исхода для Манселла и всего Военно-морского совета быть не могло.

Во главе комиссии по расследованию деятельности лорда-казначея и комиссии, занимавшейся делами флота, стояли непримиримые противники Говардов. Особо следует выделить фигуру Лайонела Крэнфила, ставленника Бэкона и Бэкингема. Сомневаться в том, что генеральный контроллер найдет множество злоупотреблений, не приходилось, ведь как сам Яков, так и противники Говардов, чем бы они ни руководствовались, хотели одного – обнаружения нарушений и наказания виновных. В этой связи сам факт участия Крэнфила, хотя и получившего патент главного комиссионера лишь 12 февраля 1619 г., но в реальности направлявшего работу Комиссии с самого начала (с. XIX), можно рассматривать как своеобразный посыл, означавший лишь то, что результаты расследования предприняты, они будут весьма плачевными для представителей проверяемого ведомства. В 1624 г., незадолго до своей смерти, король произнесет речь в парламенте, в которой укажет, что Крэнфила некогда представил ему лорд Нортгемптон. «С тех пор он сделал столь много для моей выгоды, что после смерти графа Нортгемптона Бэкингом оценил его и привел ко мне на службу. Он нашел его настолько прилежным в пополнении моей прибыли, что поддерживал его как против великих, так и против подлых, не щадя никого»³⁷.

Не менее важна и фигура сэра Джона Кока, игравшего важнейшую роль в расследовании злоупотреблений на флоте. Комиссии Кок был особенно полезен – проработав более 10 лет помощником казначея Военно-морского совета, он был прекрасно осведомлен о всех тонкостях работы Совета. Кок имел личные причины для неприязни как к самому Манселлу, так и порекомендовавшему его королю лорду-адмиралу Ноттингему, ведь с восшествием Якова на английский престол его отправили в отставку вместе с его начальником Фульком Гревилем. Как полагает Ч. Фирт, вероятно, именно при

³⁵ Дюшель М. Указ. соч. С. 54.

³⁶ Цит. по: там же.

³⁷ Firth C.H. Cranfield, Lionel, earl of Middlesex // Dictionary of National Biography / Ed. L. Stephen. Vol. XIII. London, 1888. P. 14.

поддержке Гревилла он и был назначен в 1618 г. в Комиссию³⁸. Он же останется в ней и тогда, когда она примет характер постоянно действующей. Согласно епископу Годфри Гудмену, именно Кок более, чем другие, сделал для реформ в военно-морской сфере³⁹.

Происходившее при дворе трудно было не заметить. Вот как изображает сэра Джон Холлс, будущий граф Клэр, в письме к лорду Норрису ситуацию при дворе в июне 1617 г., т.е. за год до интересующих нас событий: «Я признаю, что этот век, в котором мы живем, полон странных и чрезвычайных происшествий; и как мир изначально был всеобщим хаосом и беспорядком, пока законы Бога, природы, человека не дали каждому творению и вещи надлежащее им место, отделив одно от другого, так и теперь через божественное провидение все вещи, приближающиеся к концу своего предустановленного срока, посредством отказа от тех законов и правил, что содержали их в пределах их собственных сфер и расстройний, возвращаются через это искажение к своему изначальному беспорядку; подобно тому, когда прежняя игра закончилась, карты тасуются для следующей»⁴⁰.

В мае 1618 г., за месяц до начала работы Комиссии у Манселла, видимо, не осталось сомнений относительно готовящегося удара. Он понимал, что ситуация окончательно вышла из-под контроля, и вслед за Томасом Говардом падет и его патрон, последний из имевших реальный вес представителей «партии» Говардов. Вряд ли у сэра Роберта оставались сомнения и относительно того, как именно будет нанесен удар по лорду-адмиралу, ведь предыдущие попытки осуществлялись именно через расследования злоупотреблений возглавляемой им флотской администрации. Но в отличие от прошлых попыток новая система патронатных связей, краеугольным камнем которой был полный контроль Бэкингема над королем и двором⁴¹, не позволит престарелому Чарльзу Говарду не только защитить своего клиента, но даже и отстоять свои позиции.

То, что Роберт Манселл покинул службу под давлением обстоятельств, свидетельствовали и попытки возвращения, которые он предпримет спустя десять лет. В момент расформирования Военно-морской комиссии в 1628 г. он будет активно продвигать идею восстановления в воссоздающемся Совете морских дел некогда существовавшей, но рано ликвидированной должности лейтенанта, возглавлявшего этот орган. Ради получения этого поста он даже предпримет шаги для примирения с Бэкингемом⁴². Смирив гордость, он готов будет стать клиентом герцога, а ведь в XVI и XVII вв., в отличие от предыдущих эпох, клиент фактически отождествлялся со слугой и даже рабом⁴³. Впрочем, все усилия окажутся напрасными, смерть Бэкингема в 1628 г. так и не даст шанса реализоваться планам бывшего казначея.

Итак, изложенные факты, в том числе содержащиеся в отчете Комиссии по расследованию злоупотреблений на флоте, хотя и не дают оснований говорить о хорошем состоянии военно-морских сил, учитывая их сокращение с начала правления Якова I, но и не позволяют констатировать их развал. Как видно из отчета, на момент роспуска Военно-морского совета флот, состоявший из 23 кораблей, которые находились во вполне приличном состоянии, был вполне достаточен для решения стоявших перед ним задач.

³⁸ Firth C.H. Coke, Sir John // Ibid. Vol. XI. London, 1887. P. 244.

³⁹ King James the First, by Dr. Godfrey Goodman, Bishop of Gloucester; to which are added, Letters illustrative of the Personal History of the most distinguished Characters in the Court of that Monarch and His Predecessors / Ed. J.S. Brewer. Vol. I. London, 1839. P. 308.

⁴⁰ Letters of John Holles 1587–1637 / Ed. P.R. Seddon. Vol. II. Nottingham, 1983. P. 167.

⁴¹ Peck L.L. Op. cit. P. 26.

⁴² British Library. Additional MS. 64897. fo. 11.

⁴³ Peck L.L. Op. cit. P. 16.

Роспуск Военно-морского совета совпадает по времени с поражением «партии» Говардов, курировавшей его, и утверждением нового расклада политических сил при дворе. Потерю королевского фавора и ожидание готовящегося удара по военно-морской администрации подтверждает поведение казначея флота Роберта Манселла, спешно продавшего свой пост накануне готовящейся проверки. Таким образом, отрицательный вердикт Комиссии по расследованию злоупотреблений 1618 г. в отношении администрации флота можно рассматривать как следствие сложившейся политической конъюнктуры при дворе Якова I Стюарта. Удар по Военно-морскому совету, с одной стороны, мог служить орудием в политической борьбе для устранения лорда-адмирала Ноттингема и еще поддерживавших его сил, а с другой — сам этот удар стал возможен лишь после ослабления влияния Говардов на короля.

Библиография / References

- Дюшель М.* Герцог Бекингем. М., 2007.
- Dushel M.* Gertsog Buckingham [Duke of Buckingham]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Acts of the Privy Council of England 1618–1619 / Ed. J.V. Lyle. Vol. 36. London, 1929.
- Adams S.* New Light on the “Reformation” of John Hawkins; the Ellesmere Naval Survey of January 1584 // English Historical Review. 1991. Vol. 105. P. 97–111.
- British Naval Documents 1204–1960 / Eds J.B. Hattendorf, R.J.B. Knight. Aldershot, 1993.
- Calendar of State Papers. Domestic series. Elizabeth, 1601–1603; with Addenda, 1547–1565 / Ed. M.A.E. Green. Vol. VI. London, 1870.
- Davies C.S.L.* The Administration of the Royal Navy under Henry VIII; the Origins of the Navy Board // English Historical Review. 1965. Vol. 80. P. 268–288.
- Dietz F.* English Public Finance. Vol. II. London, 1964.
- Firth C.H.* Coke, Sir John // Dictionary of national biography / Ed. L. Stephen. Vol. XI. London, 1887. P. 244–246.
- Firth C.H.* Cranfield, Lionel, earl of Middlesex // Dictionary of national biography / Ed. L. Stephen. Vol. XIII. London, 1888. P. 14–16.
- Gardiner S.R.* History of England from the accession of James I to the outbreak of the Civil War, 1603–1642. Vol. III. London, 1883.
- Glasgow T.* List of Ships in the Royal Navy from its Infancy to the defeat of the Spanish Armada // Mariner’s Mirror. 1970. Vol. 56. P. 299–307.
- Kenny R.W.* Elizabeth’s Admiral: the Political career of Charles Howard, earl of Nottingham, 1536–1624. Baltimore, 1970.
- King James the First, by Dr. Godfrey Goodman, Bishop of Gloucester; to which are added, Letters illustrative of the Personal History of the most distinguished Characters in the Court of that Monarch and His Predecessors / Ed. J.S. Brewer. Vol. I. London, 1839.
- Laughton J.K.* Howard, Charles, Lord Howard of Effingham, earl of Nottingham // Dictionary of National Biography. Vol. XXVIII. London, 1891. P. 1–6.
- Laughton J.K.* Mansell, Sir Robert // Dictionary of National Biography. Vol. XXXVI. London, 1893. P. 88–89.
- Letters of John Holles 1587–1637 / Ed. P.R. Seddon. Vol. II. Nottingham, 1983.
- Letters of King James VI and I / Ed. G.P. Akrigg. Berkeley, 1984.
- Loades D.* The Tudor Navy. An Administrative, Political and Military History. Cambridge, 1992.
- Oppenheim M.* A history of the Administration of the Royal Navy and of Merchant Shipping in relation to the Navy. London – New York, 1896.
- Progresses, Processions and Magnificent Festivities of James the First, His Royal Consort, Family and Court / Ed. J. Nichols. Vol. III. London, 1828.
- The Admiralty Statutes. London, 1875.
- The Autobiography of Phineas Pett / Ed. W.G. Perrin. London, 1917.

The Jacobean Commissions of Enquiry 1608 and 1618 / Ed. A.P. McGowan. London, 1971.

The Letters of John Chamberlain / Ed. N.E. McClure. Vol. II. Philadelphia, 1939.

The Naval Tracts of Sir William Monson in six books / Ed. M. Oppenheim. Vol. III. London, 1913.

Peck L.L. Court Patronage and Corruption in Early Stuart England. Boston, 1990.